

Что до того, почему Сяо Лин не устраивал утренние выходы к стопам трона — в романе тиран тоже ими особо не баловал, проводя великие утренние аудиенции раз в два месяца, что уже можно было назвать ревностным усердием.

В оригинальной книге политическая ситуация в Цзинь описывалась крайне скупо — автор лишь вскользь упомянул о переплетении всевозможных влиятельных сил. Сяо Лин боялся, что если он вдруг явится на совет, ничего толком не зная, это лишь вызовет у окружающих лишние подозрения. Поэтому он решил сперва во всём разобраться, а уже потом думать, как поступить.

Настроение у Сяо Лин изначально было вполне сносным, пока он не услышал, как некие люди шушукуются и злословят о нём и Се Чжижуне.

Судя по тому, что этот Се Чжижун и лицом хорош, и талантами наделен, да к тому же благородного происхождения, с какой стати ему непременно тащиться во дворец и оспаривать милости у прочих молодых господ? — один голос постепенно приближался по мере того, как собеседники шли вперед.

Сюй Цзи быстро бросил взгляд на Сяо Лин и взмахом руки велел следовавшим позади евнухам и слугам хранить молчание.

Да кто же станет отказываться от императорской благосклонности? — ответил другой голос с ноткой презрения. Тонкий голосок звенел на повышенных тонах, словно говоривший не только не пытался скрываться, но даже нарочно старался сделать так, чтобы кто-нибудь услышал. — К тому же, стоит лишь переступить порог дворца и как следует угодить Вашему Величеству, как тебя ждет неисчислимое богатство и знатность. А если б он вздумал делать карьеру чиновника, сколько бы пота пришлось пролить!

Тут этот человек понизил голос:

Вашему Величеству до безумия полюбил Се Чжижуна, да так, что, желая увидеть его и в то же время боясь потревожить его покой, нарочно приказал слугам не поднимать шума при посещении Дворца Тайвэй.

Лица четырёх маленьких евнухов от страха совершенно потеряли краски, они готовы были уткнуться лбами в землю под ногами и не смели даже поднять глаз на Сяо Лин.

Сяо Лин приподнял брови.

Оказывается, даже при такой деспотичной натуре Сяо Лин, в заднем дворе не обходилось без сплетен и пересудов.

Собеседник рассмеялся:

Если Вашему Величеству он так дорог, с какой стати ему уходить?

Так, э-э, как его там, играют в кошки-мышки, набивают себе цену! Тот, кто много книг прочел, совсем не похож на остальных, у них всегда куда больше всяких ухищрений, чем у прочих. — Досказав это, человек залился звонким смехом.

Остальные участники беседы тоже дружно зашлись хохотом.

Подобные пересуды были еще далеко не самыми грязными из тех, что плели за спиной Се Чжижуна. Сяо Лин помнил, будто кто-то поговаривал, что Се Чжижун от природы распутен и не так мил Ван Хуай, как старший брат, а потому его положение наследного князя рано или поздно не удержать. Ради власти он, мол, способен и на драконью ложе лечь, и ублажать императора своей красотой — и тому подобное, донельзя мерзкое и грязное.

Человеческая молва подобна острому лезвию, удар за ударом надламывая и сокрушая Се Чжижуна.

Чтобы необработанный нефрит превратился в бесценное сокровище, требуются мириады огранок, но от такого изнурительного трения истирается не камень, а самый позвоночник.

Несколько евнухов весело болтали между собой, как вдруг боковым зрением заметили чью-то фигуру. Не увидев пышной свиты и знатных носилок, они решили, что это пожаловал кто-то из обитателей окрестностей, вроде самого Се Чжижуна. Переглянувшись с ехидными улыбками, они повернулись, намереваясь отвесить Се Чжижуну приветственный поклон и вдобавок еще раз отравить ему душу едкими речами.

Поговаривали, что Се Чжижун невероятно заносчив и смотрит на всех свысока. Человек с таким нравом вряд ли станет опускаться до общения с ними или станет препираться по пустякам, а потому они чувствовали себя совершенно безнаказанно.

Главный из евнухов уже было собрался изобразить небрежный поклон, но, разглядев приближающегося человека, лицо его в тот же миг переменилось. С глухим стуком рухнув на колени, он принялся бить поклоны так, что зазвенело в ушах.

С чего бы им знать, что пришел вовсе не Се Чжижун, а сам император!

Любой, кто прожил во дворце хоть день, прекрасно знал: Сяо Лин отнюдь не жалуется ранние подъемы, не говоря уже о таких бессмысленных для императора занятиях, как утренняя прогулка по саду.

Один из любимцев Вашего Величества, Хуанмэньлан, всего лишь за то, что осмелился назвать наследный князь по имени, давным-давно был куда-то уволочен, забит до смерти и брошен на съедение псам. Как же они смели распускать языки о Се Чжижуне прямо в лицо императору?

Разве могли они рассчитывать на спасение?!

Ваше Величество, рабы попутали беса, рабы больше не смеют —

Голос, похожий на плач по усопшему, еще не успел сорваться с горла, как один из слуг Сяо Лин с размаху пнул говорившего, опрокидывая его наземь.

Закрой свою собачью пасть! — этот молодой евнух обладал круглым детским личиком, но ругался свирепо донельзя, так что остальные евнухи от страха перестали даже дышать и лишь молча колотились лбами о землю.

Взгляд Сяо Лин упал на ближайшего к нему евнуха.

Одежды на том были серые, застиранные, подол красовался заплатами, а манжеты протерлись до блеска.

В таких лохмотьях, не говоря уже о Сюй Цзи, не ходил бы ни один, даже самый низший слуга во Дворце Вэйян.

Во всем Ведомстве двенадцати палат лишь у увязших в грехах невольников из Ведомства прачек был подобный наряд. Грешники из Ведомства прачек не получали жалованья, и когда к праздникам кроили новые одежды для дворцовой челяди, их неизменно обходили стороной. Одежда же этого евнуха, пожалуй, считалась еще сравнительно приличной среди прочих обитателей Ведомства прачек.

Откуда Сяо Лин знал об этом так подробно?

Да потому что в книге на более поздних этапах описывалось, как тиран — то ли рассудком помешавшись, то ли вовсе никогда им не блистая — вместо государственного досуга забрел в Ведомство прачек и там совершенно случайно наткнулся на прелестного юношу с кожей белой, как слоновая кость. Тиран изумился, что в столь убогом и заброшенном месте может цвести подобная орхидея, и воспылал к нему страстью, ну а что последовало дальше, объяснять и вовсе не требовалось.

В тексте романа как раз подробно описывалось и особое положение Ведомства прачек, и поношенные обноски этого маленького красавца.

Теперь же, увидев этого евнуха вживую, Сяо Лин разом припомнил все книжные описания.

Служители Ведомства прачек несли на себе печать вины, и без дозволения им запрещалось покидать пределы ведомства. Находясь в дальнем и глухом уголке дворца, вдали от шумных императорских чертогов, они вели суровую, отрезанную от мира жизнь.

И тем не менее, эти люди преспокойно распускали языки в Императорский сад, обсуждая его и Се Чжижуна.

Весьма любопытно.

Ваше Величество? — Сюй Цзи украдкой покосился на императорское лицо.

Несчастные до того ослепли от страха, что стучали головами до головокружения, и со лбов на землю уже капала кровь.

Они никак не могли предположить, что за столь ничтожную услугу высокопоставленной особе им доведется столкнуться с самим хозяином дворца.

Разбирайся с ними, — бросил Сяо Лин. — Допроси как следует.

У Сяо Лин не было опыта в подобных делах.

Какой из обласканных милостью молодых господ не подвергался подобным сплетням?

Шедший позади младший евнух невольно вытаращил глаза при этих словах.

С чего бы именно этот Молодой господин Се оказался столь исключительным?

Сюй Цзи долгие годы заведовал делами внутреннего двора, разве мог он не уловить скрытый смысл? Услышав повеление императора разобратся как следует, он тут же уразумел замысел Вашего Величества и почтительно отозвался:

Слушаюсь.

Сяо Лин нахмурился и зашагал прочь.

Многие вещи в книге оставались недосказанными. Когда Сяо Лин читал ее, то проглотил всё залпом, не особо задумываясь, но теперь, столкнувшись с этим на собственном опыте, он лишь мысленно вздохнул: почему автор не удосужился как следует прописать мироустройство?

Аромат цветов, запах травы и свежий прохладный воздух хлынули разом, постепенно разглаживая морщинки нахмуренных бровей Сяо Лин.